

Анатолий Ананьев:

Я ПОЙМАЛ СВОЙ ОСКОЛОК РУКАМИ

Для фронтовика, известного писателя, главного редактора журнала "Октябрь", Анатолия Ананьева нынешний год вдвойне юбилейный: это год его семидесятилетия и пятидесятилетия Победы.

Поздравляем вас, Анатолий Андреевич!

В своей главной книге о войне "Танки идут ромбом" он рассказал о том, что пришлось пережить мальчикам, оказавшимся в свои восемнадцать на передовой. Все творчество писателя — перебирает ли он в памяти "Версты любви", вспоминает ли "Годы без войны", размышляет о прошлом в романах "Скрижали и колокола" или "Лики бессмертной власти" — связано единой темой: заботой о судьбе России, ее настоящем и будущем.

— Анатолий Андреевич, вам снятся сегодня сны о войне?

— Откровенно говоря, нет.

— Да, ведь полвека прошло, как она закончилась...

— Вы думаете, что это можно забыть? Мне было семнадцать, когда я, не дожидаясь призыва, пошел на фронт и сразу оказался на Курской дуге, в девятнадцать — командовал батареей противотанковых орудий. Нас было десять молодых парней, вместе пришедших на фронт. Вернулись двое. Через четверть века после Победы мне довелось побывать на военных учениях "Северная Двина", очерк попросили написать для "Правды". Помню, стоял очень холодный март, обстановка учений была максимально приближена к военной. Не обошлось без гибели солдат: где парашют не раскрылся, где боец под гусеницы танка попал... Короче, после этих учений я на два месяца лишился сна. Даже лечиться пришлось — так все накалило. Нет, забыть войну невозможно, но сны мне снятся о дне сегодняшнем. Может быть, в какой-то степени даже пророческие.

— Что вы имеете в виду?

— Состояние нынешней нашей жизни, престижность страны, известную нашу обездоленность, заброшенность народа и непрерываемую обеспеченность правителей. Великий народ, великое государство, великая культура — мы не живем, а существуем. Народ одолел фашизм, одержал славную победу, но победа ничего не дала ему. Отчего так получилось, что мы, фронтовики, пришедшие с войны, оказались никому не нужными, невостребованными? Куда ни сунься, все места заняты теми, кто сидел в тылу и не нюхал пороха. Приходилось пробиваться, проталкиваться, это

был второй и не менее тяжкий для нас фронт. Многие не выдерживали, ломались. Закончив войну в Европе, мы увидели, как там живут, как можно и должно жить людям. Хотелось не просто восстановить страну, но сделать нечто такое, чтобы и мы жили не хуже, чем в Австрии, Чехо-Словакии, Германии.

Я уходил на фронт из сельскохозяйственного института на заочное отделение, работал в колхозе, в райземотделе. Но чем дальше, тем больше понимал: система колхозная — это тот же рабовладельческий строй. И никуда из нищеты и бесправия не прорваться! Беззаконие и кабала, кабала и беззаконие под жесткой государственной дланью.

Ушел я в журналистику, а потом в литературу. И что же я увидел? Союз писателей — тот же колхоз, где собрались 10 тысяч человек, считающих себя литераторами. Не абсурд ли это? И все — "гении", всем хочется поучать народ (разумеется, на уровне своего мировосприятия). А ведь настоящих писателей не более сотни или полсотни. Имея их известны, как известно и отношение "писательского" большинства к ним. Талант — это явление яркое, это неординарный человек, почти всегда неудобный для нашего идеологически ортодоксального государства. И оно, государство, топило таланты, но как бы не своими, цзковскими, руками, а руками коллег по литературному "братству".

Я стал изучать историю и чем дальше погружался в прошлое, тем очевиднее мне становилось: переворот 17-го года — это далеко не точка отсчета наших

● Анатолий Ананьев, семнадцатилетний наводчик противотанкового орудия. Представлен к первой награде — медали «За отвагу» через пять дней после того, как оказался на передовой. Курская дуга.

● Анатолий Ананьев в канун пятидесятилетия Победы.

бед, связанных с царствованием командно-административной системы. Сейчас у нас вроде бы демократия. Но в жизни народа это мало что изменило.

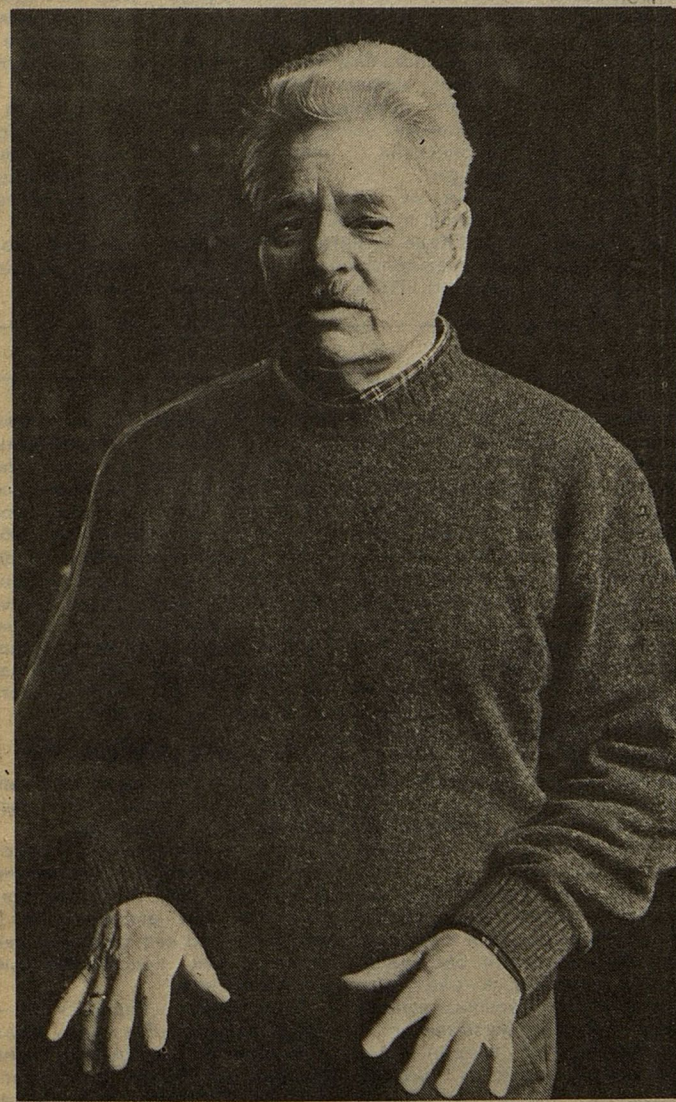
— В своем романе об Иоанне Грозном вы делаете попытку посмотреть на проблемы нынешней народной жизни, бытия нации, ее самосознания и исторического пути с иной временной дистанции, в другом ракурсе. Чем вам "помог" Иоанн Грозный?

— Я убежден: сегодняшний исторический процесс — это продолжение тех умственных и физических баталий, которые при Иоанне Грозном обострились до предела, когда народу был навязан губительный путь к деспотизму и тиранству, с которого потом ни цари-реформаторы, ни народные бунты и револю-

ции так и не смогли свернуть страну. Народ оказался отчужденным от государства, и начало этому положил именно Иоанн Грозный.

— Анатолий Андреевич, особенно в последние годы Сталина сравнивают с Иоанном Грозным. Между тем, довольно большая часть фронтовиков убеждена в том, что если бы не фигура Сталина, войну бы мы не выиграли. Солдаты шли в бой с возгласами: за Родину, за Сталина!

— На это я отвечу вопросом. Скажите, а в наполеоновскую войну или под Полтавой, когда крепостные отстояли Россию, они, что, крепостное право отстоявали? Нет, конечно! За всех отвечать не берусь, но скажу от своего имени и от имени тех, с кем воевал. Никакой мы не

коммунизм отстаивали, никакого не Сталина! Мы землю свою отстаивали, матерей, жен, детей своих защищали от поруганий. Это — глубоко корневое чувство, вошедшее в кровь, чувство генетическое. Абсолютно уверен: случись, что сейчас, не дай Бог, и все разболтанное, казалось бы, поколение молодых людей соберется, объединится и снова защитит Отечество.

— Не могу не задать вам, фронтовику, вопроса о русском фашизме. Кто-то говорит, что все это надуманно. Но факты свидетельствуют: выходят газеты, существуют организации, исповедующие фашистскую, нацистскую идеологию, открыто пользующиеся их атрибутикой. Что вы думаете обо всем этом?

— Идеология всегосподства, какой является идеология фашизма, как, впрочем, и коммунизма, — это идеология насилия и закабаления. Но у нас достаточно часто смешивают два понятия: понятие фашизма и понятие национального достоинства. Нужно смотреть правде в глаза — сегодня мы являемся страной, потерявшей национальное достоинство. Элементарное сопоставление, первое, что приходит на ум: человек, имеющий чувство собственного достоинства, никогда не унижится до того, чтобы принять подачку. Наша страна принимает подачки в виде гуманитарной помощи постоянно и охотно. И от кого?! От Германии, которую мы победили. Сегодня мы лежим в руинах. Мы, россияне (я, конечно, не

имею в виду только русских), обязаны обрести человеческое, национальное достоинство. Нередко попытки возродить его, пусть зачастую неуклюжие, выдаются за фашизм. Давайте сначала четко определим, что такое фашизм, закрепим эти определения законодательно и будем действовать по закону.

— Наверное, нелегко вспомнить о войне! Часто ли вы о ней рассказываете? Назовите ли эпизод, о котором можно сказать: это самое сильное впечатление тех лет?

— Я очень редко рассказываю о войне. Больше того, что сказал в романе "Танки идут ромбом", вряд ли скажу. Не хочу повторяться. И потом... Мне приходилось слышать фронтовые воспоминания. Люди, бывает, сами того не замечая, приукрашивают события, фантазируют. Их можно понять. Но я боюсь, что вдруг и о моих воспоминаниях кто-то скажет: да вранье все это! Ведь в окопную правду нередко так трудно поверить — неужели такое мог перенести человек и жить дальше, не сойдя с ума. Пусть уж все, что со мной было, со мной и останется...

Что же касается самого сильного впечатления тех лет? Да, было такое, когда я видел свою смерть и "поймал" ее на груди руками.

... Только начали разворачивать батарею, как нас заметили немцы, открыли огонь. Я стоял на подножке "студебекера", уже хотел прыгнуть, вдруг вижу — снаряд разорвался, и черный осколок летит на меня. Я руками закрылся и не дышу, весь так и замер. Ведь молодой был, представить себе не мог, что убить могут. Как это, меня — и убьют?! На мне шинель была и ватник. Одновременно это произошло — почувствовал толчок в грудь и руками себя обхватил. А когда руки разжал, смотрю, шинель у меня пропорола, а в ватнике осколок застрял, только слегка ребра поцарапал — я его руками поймал и прижал к себе. Черный такой, шершавый. Потом еще ранения были, контузия. Но вот тот случай не забуду никогда. Как сейчас эту черную точку вижу... А последние осколки год назад из меня вынули.

— У вас много наград и орденов, и вы — от Героя Со-

циалистического Труда, самых высоких орденов, включая два ордена Отечественной войны, до медалей. Какая из этих наград для вас дорожее всего?

— Медаль "За отвагу". К ней я был представлен через пять дней после того, как попал на фронт. Убило наводчика орудия, я встал за прицел на его место. У меня есть всего две довоенные фотографии. На одной я впервые снялся в солдатской форме перед отправкой на фронт. На второй — уже с медалью. Между этими фотографиями "расстояние" — месяц с небольшим. А смотрят с карточек как будто два разных человека.

— Как собираетесь встретить великий праздник! Наверное, соберетесь с фронтовиками друзьями?

— Не осталось уже почти никого... Жив генерал-майор Назаров, очень тяжело болен. Он командовал 4-й батареей, я — 3-й. И еще вот что... Настроение у меня не праздничное, как посмотрю вокруг. За что столько людей полегло на полях сражений! Чтобы мы, оставшиеся в живых, стояли в очереди за немецкой гуманитарной помощью! Меня это оскорбляет. Нельзя было выводить войска из Германии, не получив полной компенсации. Нельзя отдавать картины из музеев. У нас-то все выгребли... Понимаю, что жизнь идет вперед, меняются поколения, народы должны жить в дружбе, развивать торговлю, культурные отношения. Все это я умом понимаю, а душа болит.

— Не хочется заканчивать беседу на грустной ноте. Анатолий Андреевич, не забыли, конечно, где и как впервые узнали, что мы победили?

— Как забудешь... Это было в Австрии. Что Победа близка, все уже знали, ждали официального сообщения по радио. И я его проспал! Накануне взяли город Пургшталь. Был бой, когда он закончился, я прилег на какой-то сундучок и заснул. Помню, меня толкают, растолкать не могут — Победа! Пальба кругом, крики... Прибежали ребята со спиртом. Я вообще-то непьющий был, а тут на радостях полстакана неразбавленного ухнул.

А потом мы баловство затеяли на радостях: взяли "форд", испытывать, штурмовать гору. Крутизна страшная! До половины доедем и — назад; машина американская, а не тянет. Вверх, вниз, вверх, вниз, слава Богу, не разбились. Молодые были, хотелось хоть чем-то восполнить украденное войной детство.

Беседу вел

Е. ГРАНДОВА.